

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215

М. П. Котюрова
Пермь, Россия

Maria P. Kotyurova
Perm, Russia

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: С ЧЕГО НАЧАТЬ СТАТЬЮ?

RUSSIAN SCIENTIFIC TEXT: HOW TO BEGIN AN ARTICLE?

В статье рассматривается один из компонентов смысловой структуры научного текста – начало, или зачин, с которого осуществляется понимание содержания текста; описаны группы зачинов, дифференцированные на основе научно-познавательной установки автора; представлено количественное сопоставление функционирования зачинов установленных групп, зафиксированных в статьях, которые опубликованы в избранных трудах выдающихся ученых Р. Якобсона, Л. В. Щербы и Б. А. Ларина и сборниках статей 2011 и 2016 гг. Результаты наблюдений показывают разнообразие зачинов, что свидетельствует о некорректности требования единой структурно-смысловой композиции жанра статьи.

Ключевые слова: научная статья, зачин статьи, группы зачинов, эпистемический контекст, психологический «конвой».

The article presents one of the scientific text meaning components – the beginning, or introduction, which introduces the text content comprehension; groups of introductions differentiated on basis of scientific and cognitive author's attitude are described; quantitative comparison of introductions from observed groups, taken from the articles that are published in the selected works of famous scientists R. Jakobson, L. V. Scherba, B. A. Larin and in the collection of articles of 2011 and 2016, is presented. The research results demonstrate a variety of introductions which indicates the incorrectness of the requirement for a single structural and semantic composition of the article's genre.

Key words: scientific article, article introduction, groups of introductions, epistemic context, psychological "guard".

Сведения об авторе: Котюрова Мария Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: kotyurova@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5418-726X

About the author: Kotyurova Maria Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Stylistics.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: kotyurova@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5418-726X

Поиск ответа на поставленный вопрос начался под воздействием совокупности поводов: 1) нетрудно предположить, что перед каждым исследователем, в частности аспирантом, на этапе оформления полученного научного знания в виде текста возникает вопрос: *с чего начать?* 2) единые, соотносимые со статьей одного типа, значит, по существу единичные, требования к структурно-смысловой композиции текста, пригодного к публикации в SCOPUS'e; 3) стремление представить себе реальную стилистическую картину, чтобы сформировать и сформулировать ответ на этот, можно сказать, социальный заказ.

Из специальных экспериментов зарубежных ученых известно, что учащиеся школ «в большом количестве случаев не обладают навыками метакогнитивной рефлексии и значительно (в три и более раза) завышают оценку своих интеллектуальных способностей, знаний, умений и навыков. Поэтому обучение метакогнитивному мышлению в настоящее

время считается важной дидактической задачей» [1: 84].

Представляется, что при создании статьи автор решает эпистемическую задачу, рефлексировав в отношении «кванта», сгустка научного знания, которое предстоит оформить в виде научного текста. Для успешного создания статьи необходимо дать адекватную метакогнитивную характеристику знания – и старого, полученного предшественниками, и нового, полученного самим автором. Что отнюдь не просто. В связи с этим актуальной становится задача изучения вербально выраженного и виртуально «витающего» представления о метакогнитивной ситуации, в частности, о научно-познавательном окружении и так называемом социально-научном «конвое» (метафора Т. М. Николаевой. – М. К.) изложенного в тексте знания. Эта задача, несомненно, актуальна, поскольку выступает составной частью (подчеркнем) «особо важной области исследований» – «взаимодействия метакогни-

тивных процессов и операций с различными имплицитными компонентами коммуникации: пресуппозициями, импликациями, фоновыми знаниями, подтекстом... и др. (курсив наш.– М. К.)» [1: 89].

Ясно, что дать метакогнитивную характеристику знания можно по-разному: сначала представить научно-познавательное окружение «главного героя» – рассматриваемой темы, проблемы, гипотезы и т. д.; сразу приступить к изложению вопроса по существу, логически развивая его в тексте статьи; привлечь внимание читателя риторическим приемом; увлечь читателя внутренним диалогом (авторской диалогической мыслью) и т. д. Не давая «под диктовку» ответов на интересующий нас – как автора, так и читателя – вопрос, представим наши размышления контурно, в общих чертах, схематически.

В качестве примера научно-познавательного окружения поставленной автором эпистемической задачи приведем следующий «вечнозеленый» вопрос.

1. Что besпокоит ведущих ученых в современном состоянии лингвистической науки? Для данного сообщения важно мнение проф. О. Б. Сиротининой о дисбалансе между индуктивным и дедуктивным подходами к изучению языка, а именно о преобладании дедуктивного подхода к изучению языка [2]. Дедуктивный подход наблюдается при стратегическом планировании научных исследований, что установлено посредством контент-анализа заявок на получение грантов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), поддержанных в 2016 г.: «Современные научные исследования, представленные в заявках, считают приоритетными системность, модель, процесс, уходя от описания и констатации» [3: 54]. Кроме того, можно процитировать М. Ю. Чернышова: «Лингвистика остается единственной областью знания, допускающей бездоказательность утверждений слабого ученого» [4: 56]. В связи с этим нельзя не сказать об общеизвестном стремлении исследователей к созданию систем. Однако уместно напомнить суждение акад. Д. С. Лихачева о том, что «система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя» [5: 9]. На наш взгляд, для функционально-стилистического направления это суждение очень важно, поскольку соотносится со стратегической целью научно-познавательной деятельности – «приводить в движение научную пытливость» [5: 9].

2. Стратегическая цель – научная пытливость студента, т. е. формирование будущего исследователя текстов (имеем в виду научных), – очень далека от реальности. Поэтому

пойдем по испытанному методическому пути: от очевидного – к неочевидному, от простого – к сложному, от фактов – к обобщениям.

Проблема понимания научного текста, понимания прежде всего его содержания, несомненно, неисчерпаема. Любой взгляд на текст опирается прежде всего на необъятное «познанное», формируя из него актуальный «эпистемический контекст», но также требует ответа в связи с вопросом о таящемся «непознанном». Значит, возникает эффект диалогичности – диалога знания, полученного предшественниками (эпистемического контекста), и знания, раскрываемого в тексте его автором. В этом диалоге «победителем», т. е. владельцем нового знания, в зависимости от творческого понимания может быть и автор (при некомпетентности читателя), и читатель, тем более – исследователь. Как писал М. М. Бахтин о понимании художественного текста, «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом; между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов..., сохраняя свое единство и открытую целостность» [6: 335].

В связи с тем что новое, авторское знание (во имя выражения которого и создается текст) обусловлено старым, добытым предшественниками, возникла деятельностная – эпистемическая – трактовка текста. Такая трактовка текста столкнулась с «проблемой границы» научного текста – проблемой, которая была конкретизирована посредством понятий фонового знания, преемственности, старого знания, а также посредством смысловых отношений данного текста с его эпистемическим контекстом [7: 130–132]. При определении текста (с учетом поэтических текстов) была установлена важность «проблемы границы», поскольку выявилось противоречие между несомненной эмпирической ясностью вопроса и «теоретической невозможностью фиксировать какие-то устойчивые признаки границы» [8: 61]. В научных трудах связь нового со старым осуществляется в двух аспектах, т. е. не только в отношении объектности, обусловливающей научное знание как результат познавательной деятельности человека, но и в отношении субъектности. Теперь уже бесспорно, что одна из наиболее важных сторон научного мышления – способность оценивать информацию [9], в частности, выбирать из разнообразия сведений только те, которые имеют отношение к анализируемой проблеме. В нашем случае важно, что связь с эпистемическим контекстом осуществляется с самого начала, или зачина, текста.

Понимание текста начинается с осознания зачина, обусловленного коммуникативно-смысловыми, когнитивно-смысловыми, логико-смысловыми отношениями текста и его зачина. Результатом осознания зачина является прежде всего рождение интереса к диалогу с автором на риторическом (см.: *Начну с притчи*), когнитивном (см.: *Тот, кто задумывался когда-либо над природой языка, не осмелится утверждать, что язык – это совокупность произвольных или случайно употребляющихся знаков понятий...*), логико-семантическом уровнях (см.: *Каждая историческая эпоха отличалась своей спецификой взаимодействия и взаимоотношения культур*).

3. Обратимся к научным текстам, ограничившись вводными абзацами/зачинами/началами статей. Интересно, что эти фрагменты текстов обычно представляют собой когнитивный или социально-научный «конвой» (по Т. М. Николаевой) к основному содержанию целого текста. Вербально выраженный «конвой» по существу выдвигает, актуализирует эпистемический контекст. В целях анализа эпистемический контекст в единстве эксплицитного и имплицитного компонентов легко соотнести со смысловой единицей научного текста. Эту единицу можно представить – схематически – в виде треугольника, объединяющего онтологический, методологический и аксиологический компоненты смысла. Данная смысловая единица названа нами ранее *эпистемической ситуацией* [7]. Наряду с репрезентацией названных компонентов смысловой единицы в тексте/речи коммуникативная функция этой единицы может быть подчеркнута специальными речевыми средствами, т. е. риторической рамкой [10].

Зачины объединяем в группы в соответствии с различными установками:

1) представить читателю по существу еще не «рожденное», значит, неясное самому автору знание (поэтому неотделимое от «вязкой» мысли ученого!), что характерно для тех направлений, которые «занимаются пока еще только исканиями, нащупыванием лучших методов и материалов» [5: 11]; к стати, значимость таких сообщений С. А. Васильев оценивал весьма высоко: «как известно, неподтвержденные научные идеи обладают порой большей *эвристической ценностью*, нежели со всех сторон обкатанные истины (курсив наш.– М. К.)» [8: 72]; в этой познавательной ситуации требуется широкий, общеизвестный в содержательном (онтологическом) отношении контекст; например: *История лингвистической науки – это история толкования значения языкового знака как ключевого понятия любой лингвистической*

теории, построение которой осуществляется в соответствии с господствующей научной парадигмой, интеллектуально-мировоззренческим климатом, понятийно-терминологическим аппаратом и методами исследования языкового материала (Я и Д, 140); *В языковом сознании социума присутствует стандартный «образ» поведения представителей различных профессий* (К и Д, 137); *На сегодняшний день известно множество самых разнообразных легенд, рассказывающих историю происхождения кофе* (Я и Д, 23);

2) обобщить читателю авторское, новое, причем завершенное знание «по существу», не прибегая к помощи «конвоя»; например: *Наш многолетний анализ специфики выражения в научном тексте авторской концепции с учетом динамической стороны этого процесса позволяет говорить о том, что постепенный переход нового знания из не-знания в научную ценность происходит по принципу эмоционально-экспрессивного речеведения* (К и Д, 183); *В нашей работе рассматривается особый для казаконекрасовцев и их потомков лексический пласт* (К и Д, 214);

3) подчеркнуть преемственность полученного автором знания; например: *Введенное М. Н. Кожинной понятие «речевая системность функционального стиля» позволило по-новому взглянуть на системную организацию текста* (Стереотипность 2014: 32); *Хотя русский язык по преимуществу является «именным» – «В русском языке диктатура существительных и прилагательных: что и какой»* (Эпштейн 2007) (К и Д, 78); *Осмысление сути полемики происходило на протяжении длительного времени в разных научных парадигмах, однако вопрос о ее терминологическом статусе продолжает оставаться открытым* (К и Д, 192); *Академический дискурс предназначен для реализации научно-теоретических, т. е. собственно исследовательских целей, вербализирующих научное знание* (Чернявская 2010), *его стратегии могут раскрываться в различных жанрах, например, в научной статье, монографии и т. д.* (Карасик 2004) (К и Д, 110);

4) представить методологический инструмент исследования, если он уже разработан автором, осмыслен им как вполне продуктивный; например: *Статья посвящена основным лингвистическим средствам описания жизни быта колониальной Африки в романе...* (Я и Д, 87); *Настоящее исследование посвящено анализу жанра пресс-конференции с точки зрения теории диалогичности через призму политической коммуникации* (К и Д,

188); *Вступая в коммуникацию, каждый из ее участников надеется достичь своей цели* (К и Д, 205);

5) ориентировать читателя посредством аксиологического (ценностного) «зонтика» широкого содержательного контекста (актуальность, значимость научного направления, темы, проблемы, цель, задача и т. д.); например: *Для современной лингвистики актуальны функционально-когнитивный анализ художественного текста, рассмотрение концептуального каркаса произведения* (Винокур 1991) (К и Д, 125); *Важным фактором оценки качества современного учебника иностранного языка является аутентичность текстов* и языка учебника (Я и Д, 52); *Исследование проблемы концептуализации, рассматриваемой как процесс и его результаты, является в настоящее время одной из приоритетных задач лингвистики* (К и Д, 145); *Ключевую позицию в системе средств языкового выражения стихотворных произведений занимает рифма – значимый структурный элемент стиха* (К и Д, 153);

6) реализовать свободное риторическое начало; например: *Я не льщу себя надеждой, что скажу что-нибудь абсолютно новое для тех, которые всю свою жизнь посвятили науке и языку, размышлению о письменности и т.п.; Я только что видел книжку Чобан-Заде по методике преподавания языка и смущен тем, что...* (Щерба, 45 и 50); *Начну с притчи* (КП, 32); *В первых числах января 2016 г. разгорелся скандал вокруг палантина в белую и синюю полосу компании...* (Я и Д, 152).

4. Принимая все сказанное за основу данного сообщения, рассмотрим результаты некоторых наблюдений над начальными, но очень важными для читателя абзацами статей в лингвистических сборниках 2011 и 2016 гг., а также статей Р. Якобсона, Л. В. Щербы и Б. А. Ларина.

Из таблицы видно, что все зачины статей соответствуют термину «дискурсивный конвой», т. е. действительно сопровождают знание, излагаемое в основной части

статьи, кроме того, «вливаются» в ту или иную из групп, установленных нами с учетом компонентов эпистемической ситуации. Наша дальнейшая задача – дать количественный анализ материала и выявить предпочитаемые варианты зачинов статей. Даже ограниченный материал, – хотя и более 300 зачинов статей, – позволяет получить некоторые наблюдения и определить (по годам) как сходство, так и различия в оформлении тех или иных зачинов. Так, в сборниках 2011 и 2016 гг. наиболее широко реализуются зачины, в которых дается аксиологическая (ценностная) ориентация – 23 и 25 % соответственно, подчеркивается преемственность знания – 17 и 25 % и сообщается фоновое знание – 15 и 20 % соответственно. Нельзя не отметить и различия: в сборниках 2011 г. из 211 статей 73, или 35 %, имеют зачины, информирующие о методологическом аппарате полученного автором знания, в то время как в сборниках 2016 г. таких зачинов только 5 %. Это явно свидетельствует о снижении значимости методологического аспекта знания в восприятии и оценке авторов статей.

Сопоставим приведенные наблюдения над зачинами статей в современных сборниках статей с данными по статьям выдающихся лингвистов Р. Якобсона, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина. Прежде всего необходимо отметить значительный разброс по группам зачинов в статьях названных авторов: преимущественно с фонового знания начинает статьи Б. А. Ларин, с авторского знания – Р. Якобсон, а Л. В. Щерба – с личностно-риторического рассуждения. Приведем примеры: *Разработка «социологической лингвистики» с недавних пор ведется во Франции и Германии...* (Ларин); *Причудливым пятистопным амфибрахией Пушкин озаглавил...* (Якобсон); *Доказывать, что грамотность наших школьников сильно понизилась, – значило бы ломиться в открытую дверь* (Щерба).

Анализ зачинов статей и установление их вариативности является частным подтверждением значимости модели смысловой структу-

Текст статьи	Аксиологическая ориентация кол., в %	Преемственность знания	Фоновые знания	Методологический аппарат	Авторское знание	Риторическое рассуждение	Всего
В сборнике 2011 г.	46 /23	37/17	34/15	73/35	17	4/–	211
В сборнике 2016 г.	17/25	17/25	13/20	12/5	7	3/–	69
Персон.	4	3	9	2	5	2	26
Всего	67/22	57/20	56/19	87/30	29/10	9/3	306

ры научного текста – модели, разработанной на кафедре русского языка и стилистики ПГНИУ. Эта модель предполагает вариативность формирования текстовых единиц, что дало возможность отметить, что «одинаковых, абсолютно стандартизированных научных текстов нет» [11: 97].

Иначе говоря, реальное положение жанра научной статьи неизбежно обуславливает необходимость учитывать разнообразие в оформлении одного из структурно-композиционных компонентов статьи – зачина текста.

Инструкции по оформлению статей в SCOPUS, по-видимому, предполагают из целого ряда известных (напомним исследование: [12: 104–116]) публиковать только один вид статьи – статьи, посвященной описанию завершеного исследования с логически выстроенным результатом. А как же другие, не укладывающиеся в жесткие структурно-логические рамки?

Исходя из всего сказанного, подчеркнем: в отечественной лингвистике имеют место *разные* зачины статей, обусловленные различными познавательными и коммуникативными установками их авторов, поэтому и при порождении задуманной научной статьи целесообразно учитывать эпистемическую ситуацию, включающую дискурсивный социально-психологический «конвой», – ситуацию, в которой разворачивается новое содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017. № 5. С. 83–95.
2. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
3. Ворошилова М. Б., Забара Л. И. Контент-анализ как инструмент стратегического планирования научных исследований // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. Н. И. Алмазова, Э. Бернер, В. Е. Чернявская. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 52–54.
4. Чернышов М. Ю. Вербальные средства выражения мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текста. М.: Наука и право, 2010. 168 с.
5. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
7. Котурова М. П. О функции контекста в процессе порождения текста // Деривация и история языка: материалы науч. конф. Пермь: ПГУ, 1985. С. 130–132.
8. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наук. думка, 1988. 239 с.

9. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

10. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте поли-текстуальности. Пермь: ПГУ, 2001. 272 с.

11. Чернявская В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.

12. Мальчевская Т. Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976. 264 с.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ТЕКСТОВ

К и Д – Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы III Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2011. 236 с.

КЛ – Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. 896 с. (Сер. Концептуальные исследования. Вып. 15).

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. 224 с.

Проблемы речевой коммуникации / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов, 2016. Вып. 16. 148 с.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Я и Д – Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сб. ст. по итогам междунар. конф. М.: МПГУ, 2016. 204 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

REFERENCES

1. Ryabtseva N. K. Metakognitivnye sostojanija v jazyke, rechi, poznanii [Metacognitive states in language, speech and cognition]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2017, iss. 5, pp. 83–95.
2. Sirotinina O. B. Lingvo-filosofskie razmyshlenija kak rezul'tat mnogoletnego monitoringa rechi [Linguo-philosophical reflection as a result of a long-term speech monitoring survey]. *Izv. Sarat. un-ta, Ser. Filologija. Zhurnalistsika* [Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism], 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11.
3. Voroshilova M. B., Zabara L. I. Kontent-analiz kak instrument strategicheskogo planirovanija nauchnyh issledovanij [Content analysis as a tool of strategic planning of scientific research]. In: *Nauka v obshchestvennom dialoge: tcnnosti, kommunikacii, organizacija* [Science in public dialogue: values, communications, organization]. St. Petersburg, Izd-vo Politekch. un-ta, 2017, pp. 52–54.
4. Chernyshov M. Yu. *Verbal'nye sredstva vyrazhenija myslej-skreпов kak mediatorov smyslovoj integrativnosti teksta* [Verbal means of expressing linking as mediators of text sense integration]. Moscow, Nauka i parvo Publ., 2010. 168 p.
5. Larin B. A. *Istorija russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian language and general linguistics (Selected works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
6. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

7. Kot'yurova M. P. O funktsii konteksta v protsesse porozhdeniya teksta [The function of the context in generating a text]. In: *Derivatcija i istorija jazyka* [Language derivation and history]. Perm, PGU Publ., 1985, pp. 130–132.
8. Vasil'ev S. A. *Sintez smysla pri sozdanii i ponimanii teksta* [Synthesis of meaning in creation and understanding of a text]. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1988. 239 p.
9. Danilevskaya N. V. *Rol' otcenki v mehanizme razvertivanija nauchnogo teksta* [The role of evaluation in the mechanism of the deployment of scientific text]. Perm, Izd-vo Perm. Un-ta, 2005. 360 p.
10. Bazhenova E. A. *Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific text in the aspect of polytextuality]. Perm, PGU Publ., 2001. 272 p.
11. Chernyavskaya V. E. *Nauchnyj diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaja i jazykovaja problema* [Scientific Discourse: promotion of the result as a communicative and linguistic problem]. Moscow, Lenand Publ., 2017. 144 p.
12. Mal'chevskaya T. N. Spetsifika nauchnyh tekstov i printcipy ih klassifikacii (na materiale anglijskih biologicheskikh tekstov) [Specificity of scientific texts and the principles of their classification (on the basis of biological texts in English)]. In: *Osobennosti stilja nauchnogo izlozhenija* [Features of the style of scientific description]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 264 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Котюрова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 210–215. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215

LIST OF STUDIED TEXTS

- K i D – *Kontinual'nost' i diskretnost' v jazyke i rechi* [K and D – Continuity and Discreteness in Language and Speech]. Krasnodar, Kuban. Gos. Un-t, 2011. 236 p.
- KL – *Kognitivnaja lingvistika: novyye paradigmy i novyye reshenija* [KL – Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions]. Moscow, IYa RAN, 2011. Ser. Conceptual Research, iss. 15. 896 p.
- Larin B. A. *Istorija russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian language and general linguistics (Selected works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
- Problemy rechevoj kommunikacii* [Problems of speech communication]. Saratov, 2016, iss. 16. 148 p.
- Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 188 p.
- Ya i D – *Yazyk i deistvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka: sb. statey* [Language and reality/ Scientific readings in the department of romance languages the name of V. G. Gaka: coll. of art]. Moscow, MPGU, 2016. 204 p.
- Yakobson R. *Raboty po poetike: Perevody* [Words on poetics: translation]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.

Статья поступила в редакцию 25.06.2017

For citation

Kotyurova M. P. Russian Scientific Text: How to Begin an Article? *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 210–215. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-210-215.